

Георгий Гуревич

ОБЛАКА ГОРЯТ

(Четвертое измерение. Всероссийский журнал фантастики, 1991, №2. С.3-20)

Приближался вечер.

Солнце не обжигало уже, даже и грело не очень. Больше не слепило, не щурясь можно было смотреть на малиновый шар, не ярко малиновый, не сочным маслом выписанный, а глуховатой гуашью. И форму свою он уже не мог сохранить: в круг врезались облачные полоски, совсем узенькие, он превратился в восьмерку, а потом в театральную маску с черными скобками вместо рта и бровей. Утопало солнце: как за соломинки цеплялось за тучки у горизонта. Безнадёжно! Скользил вниз тускнеющий шар, вот он плюхнулся наземь, увяз в горизонте, словно в болоте... вот его засосало по пояс, выше пояса, по самую макушку... темечко осталось... хохолок... брызнула последняя искра... Все!

Но именно тогда, в те самые минуты, когда сползало с неба бессильное, обескровленное солнце, тогда и запылал дивный пожар на небе. Само оно стало светло-зеленым, зеленым на западе, с постепенным переходом через все оттенки бледно-голубого к серо-лиловому на востоке. А облака загорелись, каждое по-своему. Некоторые стали нежно-розовыми, как просвечивающие уши ребенка, другие апельсиновыми, или же сизыми, но с оправой из расплавленного золота. А иные прогорели насквозь, сквозь ободранную шкуру виднелось мясо. Темнофиолетовые драконы разинули пасти, пытаясь ухватить прозрачные шлейфы румяных сильфид. С востока уже сочилась все стирающая тьма, а ушедшее солнце все еще расцветивало небо, доигрывая свой прощальный карнавал.

Это была присказка..., а сейчас начнем сказку.

* * *

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был... («Жил да был»! Явная сказка. По лексике видно)...

Итак, в некотором царстве, не в нашем государстве жил да был некий ученый. Некий, не великий, не знаменитый, не «наша гордость», не выдающийся и даже не видный, просто некий. Жил и был он в переулке, который зачем-то назывался Малым Могильцевским, прописан был в трехкомнатной квартире со всеми удобствами (лифт, телефон, отдельный санузел, комнаты изолированные, не первый и не последний этаж), проживал там вместе со свояченицей и ее дочкой. Своих детей у него не было, а жена давно ушла. Почему? Не будем сплетничать. Возможно, ей надоели вечные разговоры о науке и только о науке. И вообще чужое сердце потемки. Думаю, что наш Ученый был не самым замечательным мужчиной на свете. Надо полагать, встречаются и получше. Но сразу ли встретишь своего самого лучшего?

Сваяченица тоже не считала Ученого самым замечательных мужчиной на свете, хотя бы потому, что живя с ней не первый год в одной квартире, разрешая стирать пыль, ходить в магазин, готовить и, с аппетитом поглощая изделия домашней кухни, Ученый так и не догадался сделать предложение своей благодетельнице. А хозяйство не так легко было вести у него. У других ученых была дача, машина, академический оклад, заграничные командировки, а этот приносил домой суши гроши, да и то добрую половину оставлял на свои специальные книги (ни один букинист не примет, в макулатуру придется сдавать). Так себе ученый. Я даже не уверен, что он был кандидатом наук. Впрочем, нет, кандидатом он был все-таки. О защите речь пойдет ниже.

В общем свояченица считала его неудачником и недотепой. Разговаривала только с раздражением. Полностью одобряла свою младшую сестру, бывшую жену Ученого. По меньшей мере два раза в неделю грозила уйти, куда глаза глядят. Но не уходила. Не к кому было уйти.

Дочка же свояченицы, племянница Ученого, презирала дядю откровенно.

Предложения от него она не ждала, так что смягчающих обстоятельств не видела. Зато с детства она слышала, как в семье осуждали Ученого в глаза и за глаза, что слышала, то и повторяла вслух. Кроме того, у нее самой личная жизнь не ладилась, и она считала, что виноват дядя. Другие ученые возят своих племянниц на курорты и за границу, на худой конец шмотки привозят из-за границы, а этот даже отдельной кооперативной квартиры купить не мог. Подруги племянницы считали, что девушке обязательно нужна отдельная квартира. В квартире есть что-то привлекательное для женихов... по мнению подруг.

Разве наш Ученый настоящий ученый? Неудачник несчастный!

Надо признаться, что и в научных кругах наш герой не пользовался авторитетом. С неодобрением посматривали на него. Не выдающийся, не видный, не знаменитый и не полужнаменитый, кандидат без году неделя, а тему выбрал такую... для академика нескромную. Громогласная тема, на сенсацию бьющая. Он утверждал, видите ли, что старости можно избежать, отменить совсем. Ссылаясь на то, что многие животные и растения не ведают старости вовсе. Умирают, не дождавшись старости. Умирают, отложив икру или яички, лососи, осьминоги, бабочки, майские жуки, поденки. Умирает сразу же после цветения бамбук, умирают, посеяв зерна, рожь и пшеница. Природа как бы выключает их жизнь, чтобы освободить пространство для следующего поколения. Этакое самоубийство организма. И Ученый уверял, что человеческая старость тоже самоубийство, но замедленное, растянутое лет на пятнадцать, необходимых, чтобы вырастить последнего ребенка. Странно, не правда ли?

Вот и в ученых кругах такая точка зрения считалась странной. «Умозрительно все это, – говорили нашему герою. – Где у вас доказательные опыты?»

Но средства на опыты не отпускали. Дескать, докажите, что ваш самолет полетит, тогда мы построим его.

Однако, как доказать, если не строить?

Ученый и пытался доказать. Добрых двенадцать лет доказывал. Даже идея сама родилась не сразу. Лет уже сорок было Ученому, когда у него сложился вывод о возможности отменять старость. Тогда он и ученым не был еще, только инженером, работал с аппаратурой: емкости всякие там, сопротивления, диоды, триоды, печатные схемы, информация, обратная связь, программирование – кибернетика, одним словом. Кибернетика и надоумила его, в живом теле он начал программы искать. Но поскольку сам он был инженером, пришлось ему обратиться к специалистам по живому телу, целителям – врачевателям. И добрые семь лет ходил он к видным, выдающимся и знаменитым («Наша гордость» его просто не приняла), все уговаривал их поставить доказательные опыты. Но не уговорил. Видные и выдающиеся его не слышали. Они были знатоками, опытными целителями со стажем, что полезного мог им посоветовать технарь – «диоды–триоды, сопротивления–емкости»? К тому же у каждого была своя стезя, скромная, но надежная, не вызывающая сомнений. Зачем еще и вторая стезя? Едешь тише, будешь выше.

Тогда беспокойный технарь решил сам стать ученым, врачевателем с дипломом, чтобы другие врачеватели к нему откосились всерьез. И еще семь лет он учился–переучивался, пренебрегая работой и заработком (тогда и ушла от него жена). Тяжко пришлось. Пятый десяток, не первая молодость, память не слишком свежая, соображение медлительное, экзамены сдавать трудно. И сколько еще пришлось бегать, упрашивать, чтобы у него, пожилого такого, принимали экзамены наравне с мальчишками. Все косились, считали, что толку не будет от этого сидящего студента. Видимо, диплом добывает ради пенсии. Чуть поработает и – на отдых.

И еще семь лет, получив диплом, добивался наш Ученый, чтобы ему дали возможность воевать со старостью. Место у письменного стола ему предоставили из уважения к возрасту и упорству и чтобы он мог спокойно досидеть до шестидесяти. Но он требовал самостоятельную лабораторию, штаты, фонды, двух сотрудников, трех лаборанток, помещение, оборудование, валюту на иностранные журналы и приборы. А фондов ему не давали, поскольку тема сама вызывала сомнение: отмена старости – неслыханное дело. И консультанты, все как один, писали в консультациях, что старость – закон природы, отменять ее невозможно и даже не нужно. Если уж самые великие, вплоть до «Нашей

гордости», говорят только о продлении здоровой старости лет на пять–десять, стоит ли разоряться на необоснованные опыты нескромного новичка?

Так прошло еще семь лет. Сорок, да трижды семь, сколько получается? Многовато! Силы-то не бесконечны. И однажды, читая очередной отказ за подписью самого авторитетного из знаменитых, безусловного кандидата в посмертные гении, наш Ученый вдруг почувствовал, что у него в груди какой-то кол, не вдохнуть, ни выдохнуть. И острая боль змеистыми щупальцами ползет под ребрами – влево – к сердцу и вправо – от сердца. А поскольку был он уже дипломированным врачом, он сказал себе: «Поздравляю, голубчик, это грудная жаба, стенокардия по-научному». Стало быть, первый звончок на заслуженный бессрочный отдых. И есть опасение, что не успеешь ты отменить смерть, раньше она тебя отменит, уложит на обе лопатки на деревянный матрац. И свояченицу ты не выручишь, племянницу не убережешь со всеми ее женихами, действительными и воображаемыми, не спасешь граждан вашей страны и иностранных подданных тоже.

Тогда, обеспокоенный, стал Ученый искать возможности как-то выиграть время. Отменить старость он не успеет, конечно, но хотя бы опыты убедительные провел бы. Но как продлить жизнь? Знатоки помочь не могли, он и сам был знатоком научной медицины. Решил обратиться к знахарям, попробовать на себе все, что рекомендовали пробовать.

Он ел только сырые овощи и только сырое мясо, совсем не употреблял соли и совсем не употреблял сахару (искусственные продукты!). Принимал пищу отдельно с промежутками в полтора часа – сначала колбасу, потом хлеб, потом масло, потом чай, потом – через полтора часа – сахар. На рассвете бегал трусцой от инфаркта по Малому Могильцевскому, пил дистиллированную воду носом, дышал по йогам, стоя на голове, прыгал и трясся по Микулину, голодал по Брэггу и разговаривал с внутренними органами по Евтееву–Вольскому: с печенью грубо, с руганью, потому что «печень упряма как лошак», с легкими беседовал твердо, с мускулами повелительно, с кишками почтительно, но настойчиво, а с сердцем – ласково и просительно, ибо сердце и так старается, трудится неустанно, каждую секунду выдает удар пульса, делает все, что может, все, что полагается. Если нужны добавочные усилия, выпрашивай.

С мозгом же, само собой разумеется, Ученый не разговаривал вовсе, потому что мозг и есть Я.

Хотя йоги отрицают это.

Каждый день в троллейбусе, по дороге на службу, Ученый вступал в переговоры со своими внутренними органами:

– Печень, чертова девка, смотри у меня, чтобы без фокусов. Не велик труд сахар выдавать в кровь по норме. Простая кладовщица, смотри у меня, не задаваться!

– Внимание, товарищи мышцы, слушай мою команду. Задача на сегодняшний день: отстоять в троллейбусе два раза по сорок минут, сходить из лаборатории в склад – километр туда, километр обратно. Ну и вечером прогулка по магазинам – два километра, три–четыре очереди, в сумке до шести кило. Обычная норма, надеюсь на вас, ребята. Выполняйте!

– Сосудики, братики, пожалуйста спокойнее. Нет волнения, нет давления. Прошу в нормальном ритме – раз–два, раз–два!

– Сердечко, дорогое мое, миленькое, золотое, брильянтовое, единственная моя надежда, единственная любовь, не подведи меня, постарайся, сегодня уже четверг, неделе конец, обещаю тебе как следует отдохнуть в субботу, честное благородное слово. Выезд на лоно, травка–муравка, кислород и проточная вода.

– А ты, желудок, делай свое дело. Заправили тебя, заложили норму, ну и знай себе помалкивай, переваривай!

Так изо дня и день, стоя в троллейбусе на своих ногах, а дома на голове:

– Сердечко дорогое мое... Желудок, почтеннейший!..

И вот однажды, представьте себе, Ученый услышал ответ:

– Экий ты дуrolом, братец, – сказал Желудок. Желудок сказал!

Сказка же!

– Экий ты дуrolом, братец, – Желудок сказал утробным своим голосом, чревовещательным, – ну посуди сам, как я могу переваривать молча, когда ты пихаешь в

меня всякую дрянь, сырую капусту заливаешь сырой водой, то мясо толкаешь без соли, то соль без мяса, а то для заправки голодом моришь. Лошадь и та сдохнет от такого режима. Сам-то работаешь головой регулярно, с утра нагружаешь мозги, по ночам смотришь сны, уборку делаешь, подметаешь извилины, а меня все испытываешь на выносливость. Предупреждаю: еще два варианта диеты, и язва обеспечена.

А тут и Сердце подало голос: четкий, внятный, отнюдь не сюсюкающий. Мужское сердце было у Ученого: мужественное, не «золотое–брильянтовое».

– В самом деле, дорогой друг, – сказала оно, – на что ты рассчитываешь, собственно говоря? Дожил до пенсии, имеешь право сидеть на завалинке, кости греть; я тоже хочу отдохнуть. А ты моришь себя и меня в этой затхлой, насквозь прокисшей лаборатории, дышишь книжной пылью, кровь всю гонишь в мозги, мне ничего не достается в мои коронарные сосуды. Говорю тебе прямо и откровенно, как мужское сердце мужчине, я так долго не выдержу.

– Сколько выдержишь? – прохрипел Ученый, отирая пот со лба.

– Лет пять, семь, десять от силы. Как нагружать будешь. Точно не скажет ни один врач.

– Десять от силы, семь, пять? Всего–навсего? Слушай, нельзя же так неожиданно, без предупреждения. Сердечко, миленькое, ты уж постарайся, ты не подводи меня, черт тебя дер.

– Тогда уезжай из города, заводи садово-огородный участок, в земле копайся, яблоньки обмазывай, подкармливай.

– Сердце, милое мое, ну при чем тут яблоньки? Ты же знаешь, я старость хочу отменить, не о себе одном забочусь. Люди хиреют, люди слабеют, сохнут, тупеют, гниют заживо, людей спасать надо, из ямы вытаскивать. Разве я за пять лет разверну лабораторию в институте, разве за пять лет обеспечу доказательные опыты? Не успею же. Давай договариваться по-деловому. О садиках речи нет. Что тебе остро необходимо? Диктуй условия... но так, чтобы дела не бросать.

Пауза последовала. Видимо, думало Сердце, своим сердечным умом прикидывало.

– Есть одно средство, – вымолвило наконец. – Только не выйдет у тебя ничего, бездарен. Какое средство? Любовь! Если полюбит тебя молодая женщина, цветущая, полная сил, если всей душой полюбит, кровь своего сердца не пожалеет, прибавятся тебе годы. Сколько своего сердца отдаст, столько мне прибавит.

– Полюбит? Да ты с ума сошло, дорогое мое Сердце. Я же старый, седой, пенсионер не первый год. Смеешься?

– Любви все возрасты покорны, – усмехнулось Сердце, – А для меня это единственное лекарство. Попробуй, попытайся. Мой тебе совет: поезжай на отдых, лучше к морю. Смолоду ты плавал неплохо, какие-то секунды показывал, может и сейчас щегольнешь.

– Плавать? Но это же для сердец вредно, – растерялся Ученый.

– Мне лучше знать, – отрезало Сердце.

* * *

Не знаю, поверил ли Ученый своему Сердцу, согласился ли на опыт, поскольку терять было нечего? Едва ли. Всю жизнь он откладывал заботу о здоровье на будущее, полезное жертвовал интересному. Тем более, что в том царстве–государстве не так было просто взять, да и поехать к морю. Сначала надо было добыть так называемую «путевку», именно не купить, а добыть, то есть выпросить, ссылаясь на свои особо тяжкие болезни и особо важные заслуги, или же на заслуженных знакомых – лучше всего на знакомых. Но Ученый просить не умел, добывать ленился, ссылаясь на заслуги стыдился. Нипочем не добыл бы, но видимо у Сердца был блат с судьбой (Судьба, судя по грамматике, женского рода, она ворожит мужчинам в делах любовных). И Судьба послала Ученому «горящую» путевку, не в прямом смысле загоревшуюся, а срочную и лишнюю, кем-то хлопотливым добытую про запас, на самом деле ненужную и возвращенную за день до срока, просто потому, что тот запасливый никак не мог попасть в три курорта одновременно.

Итак Ученый оказался у южного моря в начале осени, в бархатный сезон, когда не жарко и фруктов полно, да еще в доме отдыха повышенного типа с санаторными процедурами, отдельными комнатами и усиленным питанием. Белые скатерти в столовой, вазочки с цветами на каждом столике.

А за соседним столиком, наискось от Ученого, как раз и оказалась владелица женского сердца, миловидная толстушка, малиново–красная от жадного загара, лет на десять моложе Ученого, самая подходящая пара. И так шумно она радовалась трехразовому питанию, белым скатертям и вазочкам с цветами, так заразительно хохотала при каждом слове, чувствовалось, что она преисполнена ликования по поводу отпуска в доме отдыха повышенного типа, готова поделиться ликованием с кем угодно, даже с угрюмым сердцем старого Ученого. Сплошной восторг. 70 кило восторга в туго набитом сарафане.

За завтраком Ученый обратил на нее внимание, не мог не обратить, такую звонкую, ее вся столовая слышала, а два часа спустя увидел в море. Толстушка плавала в смешном чепце с оборками. Не слишком умело плавала, большую часть энергии вкладывала в брызги. В общем Ученый догнал ее без особых усилий, даже не показал былые секунды, задал стандартный вопрос: «Куда вы собрались? За море? Но там же турки и гаремы». Толстушка с готовностью расхохоталась, чуть не захлебнулась от смеха. Вынуждена была для спасения ухватиться за плечо мужчины... Знакомство состоялось.

И поплавали они рядышком, потом рядышком лежали на горячей гальке. Ученый мазал соседке обожженную спину вазелином, делал бумажные треугольнички для ее курносого носа. Потом они пообедали и поужинали за смежными столиками, переглядываясь наискосок, потом погуляли в парке (не под руку, под руку жарко было бы, локти потели), пили кофе в баре и пиво в кафе. Ученый даже пригласил даму к себе в гости на балкон, но та потупив глазки отказалась: «Знаете, у нас все такие сплетницы, пойдут разговоры, шепотки за спиной. Хотя почему, собственно, говоря, я не могу пойти в гости к мужчине?»

В самом деле, почему?

Марьяна, так звали новую знакомую, любила поговорить, больше всего о своей семье. Муж ее давно умер, единственная дочка рано вышла замуж и рано сделала ее бабушкой, восторженной и влюбленной. О внуке, дома его звали Буратино, бабушка Марьяна рассказывала с упоением, без усталости пересказывая милые и мудрые афоризмы пятилетнего ребенка.

– Бабушка, я разбил тарелку, отнеси ее в поликлинику.

– Бабушка, уложи меня а свою кровать, я хочу смотреть твои сны.

Сама бабушка работала врачом, участковым, но о медицине не упоминала, считала, что на отдыхе следует забыть о работе, даже просила сохранить ее профессию в тайне, а то все окружающие набегут советоваться и не отличишь дом отдыха от служебного кабинета.

– А Буратино сказал: «Бабушка, ты тоже была маленькой?» Тогда лучше я не буду расти, я не хочу быть бабушкой».

– Все я, да я, – сказала она наконец. – Расскажите теперь вы о себе.

Ученый не заставил себя упрашивать. Он уважал свое дело, любил рассказывать, привык пропагандировать, слова подобрал выразительные. К тому же приятно было покрасоваться перед слушательницей: вот, мол, как вам повезло, не с заурядным человеком знакомство свели.

Научные круги не признали, пусть женщина сердцем оценит.

Но не учел он, что женщина – почти коллега, лечащий врач. Титанические усилия вкладывает в каждую старушку, чтобы кости у той не ныли, желудок действовал бы ежедневно, по ночам спалось бы, чтобы прожила на свете годик–другой лишней. И вдруг ей ляпают, что старость можно отменить напрочь.

– Ерундой какой занимаетесь вы, – рассмеялась она.

Возможен ли полет на Луну? Для пчелы это оскорбительная сказка. Пчела знает же сколько усилий требуется, чтобы долететь до ближайшей липовой роща. А гречишные поля за лесом – недостижимая мечта, туда и прабабушки не залетали. К чему же болтовня о какой-то Луне? Да там гречиха цветет ли?

– Старость отменять? Ерундой занимаетесь вы!

Конечно Ученый обиделся. На следующий день не пошел к морю, весь день провалялся в кровати с «Вестником биологических наук». Очень важные данные были там опубликованы: будто бы какой-то японец прожил 218 лет потому, что каждый день прижигал себе сигаретой большой палец правой ноги. Сын же его по ошибке прижигал большой палец левой ноги и прожил только 94 года. Следовало занести этот факт в картотеку. Картотеками занимался Ученый после обеда.

И тут раздался робкий стук в дверь. Марьяна пришла навестить.

– Вы нездоровы? – спросила она жалобно, – Почему меня бросили? Я совсем одна, я скучаю. Разве вы не знаете, что я уезжаю завтра? Нехорошо, друзья так не поступают.

Ученому стало совестно. Вообще он был добродушным человеком, даже деликатным, вежливым во всяком случае. Если женщина пришла его проведать, презрев «наших сплетниц», значит неравнодушна, значит готова отдать капли крови из своего сердца. Так может ли он дуться, упрямо отворачиваться? Ученый счел себя обязанным рассеивать скуку Марьяны. Он сказал все комплименты, которые когда-либо вычитал и сумел придумать. Он пошел с Марьяной в бар и в кафе, даже съездил на рынок за фруктами для Буратино, притащил две тяжелых сумки с хурмой и гранатами. Мало того: на следующий день волок эти сумки по жаре в автобус, две сумки и два тяжелых чемодана. Короче, ухаживал добросовестно... и пожалуй рад был, когда беспокойная Марьяна уехала. Свое отработал, мог теперь и отдохнуть за картотекой.

– Ну-с, довольно ты мной, Серденько? – спросил он, усаживаясь за выписки. – Видишь как я старался? Прибавишь мне годика два?

И тогда Сердце беспардонно обозвало старого уважаемого Ученого старым дураком. Так и заявило:

– Старый дурак, да ты нисколько не тронул сердце Марьяны, нисколечко. Ты не себе, ей прибавил год жизни за мой счет. Столько наговорил лестного, она уехала с глубоким убеждением, что еще молода, прекрасна, головы может кружить. Ей прибавил, а себе убавил... стараниями от всей души.

– Но я не так уж и старался, – смущенно оправдывался Ученый, – не так уж надрылся.

– Не так надрылся! А чемодан с нарядами – полтора пуда? Да полпуда хурмы, еще гранаты и мандарины. Мне лучше знать, какая это нагрузка. Ты меня выслушай внимательно, потом не ссылайся, что не так понял. Молодую ищи, цветущую, не бабушку, у которой свои годы на исходе, нет ничего в запасе, которая сама рыщет, кто бы ее полюбил, подарил на бедность годик–другой.

Все-таки был у Сердца блат с Судьбой. На следующий же день за соседним столиком на освободившемся месте толстушки появилась Она.

Высокая, стройная, черноволосая, жгучая брюнетка, такими бывают только южанки, вместе с тем не смуглая, белокожая и с нежным румянцем, с нежным взглядом из под длинных ресниц, от природы длинных, не подклеенных, с очень яркими не подведенными бровями и яркими губами, тоже не намазанными. Да что тут объяснять про щечки, губки и реснички! Сердце ёкнуло. Сердце шепнуло: «Она!»

Познакомиться труда не составляло. Рядом были столики. Улучив удобный момент, Ученый перегнулся и попросил: передать горчицу. Стыдно сказать, разговор с единственной неповторимой начал с горчицы. Но это была волнующая тема, поскольку в доме с повышенным питанием горчицы не было, так себе — сухие корочки на дне пустых баночек. Обсудили проблему горчицы, Ученый представился. А меня зовут Лирой, – сказала девушка просто.

Ученый загорелся, Ученый разговорился, Ученый почувствовал себя в ударе. Говорить-то он умел, научился, двадцать лет убеждал людей отказаться от старости. Будучи опытным лектором, мог при случае вставить и забавное. Девушка охотно смеялась, показывая великолепные зубы («Ах, какие зубки»). В ней не было замкнутой нарочитой застенчивости, недотрогу она не разыгрывала. Понимала, что ее развлекают, охотно соглашалась смеяться смешному, естественно принимала внимание как должное, не набивала себе цену напускным равнодушием. Естественность привлекала в ней, этакая

открытость, готовность проявить интерес к каждому человеку. Не колючий ежик с показной добродетелью, широкая душа нараспашку.

– И почему же вы, Лира, оказались в здешнем доме отдыха санаторного типа? – поинтересовался между прочим Ученый. – Такая цветущая девушка, кровь с молоком. Что вы надумали лечить?

– А я у мамы в гостях, – объяснила Лира. – Моя мама – старший бухгалтер Дома. Она постоянно живет здесь, а я в городе. Но сейчас сессия. Зубрить можно и тут.

Ничего не сказала особенного, но так приветливо улыбнулась, хорошо улыбнулась, душу согрела.

А Сердце твердило свое: «Это Она! Она это! Не упusti!»

– Да не зуди ты, – сказал Ученый в сердцах. – Она же молоденькая, почти девчонка и красавица такая. Мне же не по зубам.

– Тебе не по зубам, а мне по сердцу, – сказала Сердце. – Если хочешь лечить меня, действуй!

– Оставь пожалуйста, не буду я срамиться.

Силком усадил себя Ученый за стол. Накануне проводив Марьяну, он твердо решил не тратить больше времени зря и начал очередную докладную «Опус 88» о необходимости разворачивать работы по проблеме отмены старости. За стол усадил, но не напасал ни единой строчки. Все стояли перед глазами пышные черные волосы, нежный румянец и белозубая улыбка, согревающая душу. Не хотел он выходить из комнаты, Сердце выгнало на крыльцо в самое неурочное время, после обеда, когда жарко и не гуляет никто.

Но Лира стояла на крыльце рядом с такой же черноволосой, но небольшого роста женщиной средних лет, с мамой – бухгалтером, видимо. Рядом с рослой дочерью та казалась совсем приземистой.

– Знакомьтесь, это моя мама, – сказала Лира. – Если нужно что-нибудь в бухгалтерии, обращайтесь прямо к ней.

– Ну ладно, доченька, поезжай, – сказала та, и тут же добавила, обращаясь к Ученому: – Знаете ли, я так боюсь за нее. Столько хулиганья развелось, а тут целый километр до автобуса, да ждать его, да ехать. В городе будет уже затемно.

– Если разрешите, я провожу, — вызвался Ученый.

Без всякой хитрости вызвался. Он был воспитанный человек, любую женщину проводил бы: и маму, и бабушку, и прабабушку, тем более. Сам-то он был простодушен, но Сердце соображало за него: екало в нужный момент, подсказывало подходящие слова.

Ученый взял девушку под локоть и снова удивился: такая прохладная кожа, но греет почему то. И токи бегут в ладонь, не электрические – те дергают, трясут, а эти волнуют.

Автобуса долго не было на остановке: на южных рейсах водители не очень-то считаются с расписанием. Ездят курортники, отдыхающие, им спешить незачем, вредно спешить. А если на поезд, пусть позаботятся заранее. Но девушка всматривалась в даль с беспокойством, ей хотелось попасть домой засветло, да еще учебники полистать перед экзаменом. И тут (ворожила Сердцу Судьба) замигал зеленый огонек, подкатила машина с шахматным пояском. Ученый протянул руку... и транспортная проблема была решена.

Ну не все было идеально, не все. Девушка села не рядом с Ученым, а на переднюю скамейку возле водителя (потом выяснилось, что ее укачивало в машине). Водить принял это как приглашение к знакомству, всю дорогу хвалился, какой он ловкий и хозяйственный, предлагал дефицит по дешевке, назойливо выспрашивал адресочек. Вот так переплетается сказка с бытом. Может быть в душе у Ученого арфа звенела (чуть не написал «лира»), а тут спекулянт бубнил про сапоги на шпильках. Но все-таки в конце концов девушка очень и очень благодарила Ученого, даже щеку подставила для поцелуя. Правда, за самоотверженность пришлось заплатить, Вернулся он только в шесть утра, с первым автобусом. Ночь пришлось на автостанции дремать, отсыпался после завтрака.

За это время Лира сдала свой экзамен на четверку, к ужину появилась в доме отдыха. А за ужином, прежде чем Ученый раскрыл рот с приглашением на прогулку, выяснилось, что вечер уже расписан: девушка вместе с мамой званы на покер. Лира даже предложила: «Идемте с нами». Но Ученый в карты не играл, нельзя сказать, чтобы презирал карты, просто

ему сил не хватало на игры. Свой мозг он использовал на сто процентов мощности, не нуждался в тренировке, не мог еще и на отдыхе нагружать извилины. И вообще он загрустил, представив себя в прокуренной и пахнущей вином комнате, где завсегда перебрасываются терминами, прозвищами и намеками, а он сидит в сторонке, ничего не понимая, и силится привлечь внимание, обещая рассказать, что-то сверхинтересное. А все будут посмеиваться, глядя на его седину и отлично понимая, что он ради Лиры тужится.

– Нет, Лирочка, я поработать хочу, – отказался Ученый, – но перед сном, не позже одиннадцати, я выйду подышать. И если вы согласитесь составить компанию, не поленитесь постучать в дверь номер двадцатый. Но ровно в одиннадцать я уйду.

Сказал как отрезал. И гордо отошел, отменяя возражения. Постучит, если захочет. Нет, так нет!

И уселся за стол со своей рукописью, которую именовал иронически «Опус 88». Восемьдесят восьмое по счету воззвание к борьбе против старости.

Не знаю, о чем именно он собирался писать в тот вечер: о том ли, как люди возликуют, когда целители–врачеватели найдут, наконец, самоубийственный механизм старения, научатся его отключать и каждый–каждый получит добавочные десятки, а то и сотни лет молодости; о том ли, сколько хлопот доставит человечеству щедрый этот подарок, как оно будет кормиться, размещаться, обеспечивать себя сырьем и энергией, как сложатся взаимоотношения между младшими поколениями и нестареющими дедами–прадедами, не подавят ли зрелые умом неопытных юнцов, не вынудят ли их бежать сломя голову на Марс, Венеру, в недра и на дно океана, куда угодно, лишь бы подальше от назойливой опеки и мудрых поучений вечно–юных патриархов. Не простая это проблема всеобщего омоложения. Есть там о чем подумать, есть о чем писать. Но только в тот вечер Ученый не написал ни единой строчки. Он поставил часы на стол, чтобы были они перед глазами, смотрел на стрелки, прислушивался к шагам в коридоре и думал одно: «Придет или не придет?»

В десять вечера (22.00) он сказал себе: «Ну конечно же, не придет. Девушки пассивны, они хотят, чтобы их уговаривали, силком тащили. Глупо я условился. Надо было сказать: «Я за вами зайду». Или же: «Ждать буду у подъезда». Даже выглянул в коридор: подумал, что поискать надо бы. Но он не знал, в какой комнате идет игра в покер. Ходить по этажам, к голосам прислушиваться? Глупо!

В 22.15 он сказал себе: «Ну конечно же, не придет. На кой черт я нужен ей? Такая разница в годах. Я бы на ее месте не пришел ни в коем случае».

В зеркало посмотрел и гримасу скорчил, отвращение к себе выразил.

В 22.30 Ученый сказал: «Да я просто смешон. Все надо мной смеются, она тоже, само собой разумеется. Вот сейчас за карточным столом потешается: «Слушайте все, вы заметили этого старикана за соседним столиком? Представьте себе, он мне назначил свидание. Сейчас ждет меня, вообразите! Давайте нагрянем к нему всей компанией. Вот смеху-то будет».

В 22.40 он сказал: «Молодость к молодости, старость к старости. Было твоё время, упустил, прозевал. Занимайся-ка своим делом, дружище! Что ты наметил на сегодняшний вечер?»

Бумагу положил, разгладил, дату надписал и устался на чистый лист. Все равно, ничего не соображал. На часы смотрел, на старый свой будильник. «Тик-так, тик-так!» И все прислушивался к шагам в коридоре, разным шагам: шаркающим, семенящим, грузным, усталым, скользким. Чьи-то двери хлопали, чьи-то скрипели, даже стучался кто-то робко, но не в его дверь, где-то, на другом конце коридора.

В 22.50 Ученый сказал себе: «Ладно, простим себе этот вечер, потраченный на глупости. На каждую старуху бывает проруха. Но больше такое не повторится. Надо уметь учиться на ошибках. Давай, милый друг, одевайся, перед сном гулять полезно».

Но все-таки медлил. Руку в рукав засунет, на часы смотрит, молнию затянет, на часы смотрит.

В 22.55 засомневался: «Может быть подождать еще четверть часика для верности? Девушки опаздывают обязательно, у них неприличным считается спешить на свидание. Даже нарочно за углом ждут, чтобы нетерпение распалить».

И отсек колебания:

– Нет и нет, категорически – нет! Ухожу в 23.00. Как сказано!
 И тут застучали каблучки в коридоре.
 По всей длине: «тук-тук-тук», от самой лестницы начиная.
 У двери Ученого замерли.
 «Тук-тук» – легонечко.
 – Вы не передумали?

* * *

Звездная ночь была, но безлунная; под звездным пологом лежало непроглядное черное море, мрачное, настороженное и очень тихое, чуть-чуть лепетали, перебирая песок невидимые струйки. Рядом с людным домом, рядом с режущими глаза фонарями аллеи, возле самого берега, такого засаженного и засиженного, суетливо–крикливого с утра и до вечера, так странно было видеть столько пустоты и черноты, столько невзбаламученного покоя.

– Вам не жутко? – спросила девушка, поеживаясь. – Мне все представляется, что там во тьме сказочные чудовища, вот-вот потянутся когтистыми лапами.

– Ничуть, – возразил Ученый. – Меня эта мощь вдохновляет, приподнимает даже. Этаким простор, этаким размах, этакое величие. Природа и я – лицом к лицу, вроде ровня мы с ней. Я люблю простор – морской, степной, горный. В лесу иначе, деревья меня принижают, пригибают к земле, давят. В городе еще хуже: там я мышонок в каменной клетке, на смерть напуганный носорогами–автобусами. Там я единичка в многолюдной толпе, а тут личность – собеседник природы. Самообман конечно, но такое у меня ощущение.

– Я хотела бы так чувствовать, но не могу, – призналась девушка. – Меня эта тьма угнетает. Я ужасная трусиха. Вы меня презираете, да?

– О нет, вы прелесть, – возразил стандартно, но искренне старый Ученый. (Старый? Не такой уж старый, пожилой, солидный мужчина.) – Вы прелесть девушка и очень нравитесь мне. Вы и сами знаете это отлично. Тут нет ничего удивительного. Вы нравитесь всем поголовно. Но почему-то и я вам нравлюсь. Вот этого я не понимаю. Почему?

– Женщина сама себя не понимает, – объяснила спутница.

Должно быть эта тема занимала ее, она вернулась к ней через некоторое время:

– Я единственная дочка, и с детства привыкла сидеть со взрослыми за столом, слушать разговоры старших. Мне немножечко скучно с ровесниками. Они повторяют все то же, давно знакомое. А старики иногда такое интересное знают, всегда свое.

Тут разом стадо темнее, на аллее погасили фонари. То ли энергию сэкономили, то ли гулякам намекали, что пора возвращаться. Пришлось повернуть назад – от черного простора моря в черную тень листвы.

– Мужайтесь, – пошутил Ученый. – Предстоит самый страшный отрезок. Именно тут и дежурят темные силы.

– С вами я ничего не боюсь, – девушка доверчиво прижалась к его плечу. И старый Ученый (совсем не такой уж старый) ощутил великий прилив гордости. Он могучий муж, надежная защита нежных женщин. Подать сюда кровожадных тигров, лютых разбойников и пьяных нахалов!

* * *

Плохо спал Ученый в ту ночь после моциона на сон грядущий. Задремывал и просыпался, каждые полчаса просыпался. Все стояло перед глазами нежное личико с очень черной шапкой волос, все звучало в ушах: «С вами я ничего не боюсь... ничего не боюсь». В два и в три, и в четыре часа ночи не спал Ученый, но не угнетала, не томила возрастная бессонница. Пылали щеки и лоб, пульс частил, как после стакана вина. Не огорчало, не беспокоило: «Ах, не высплюсь, встану с тяжелой головой, ничего соображать не буду». Наоборот, улыбка раздвигала губы: «Будет утро, выйду на завтрак, ее увижу, увижу опять!»

«С вами я ничего не боюсь... ничего не боюсь!»

Еще сказала она: «Я очень люблю слушать. Вы так много видели, так много знаете. Вы должны рассказать мне самое интересное».

Ну конечно, конечно же, он расскажет ей самое интересное, самое главное о своей жизни. Расскажет, как додумался отменить старость, как семь лет ходил на прием к видным, выдающимся и знаменитым, уговаривал их не умирать, как семь лет учился–переучивался и еще семь лет, получив диплом добивался, чтобы ему дали фонды и штаты: трех сотрудников, одну лаборантку. Все расскажет... и помечтает о будущем. Себе-то он старость не успеет отменить, но Лира будет уже вечно–юной, такой как сейчас, с волосами, черными как смоль.

«Я очень люблю слушать», – сказала она.

И в пять утра Ученый встал, чтобы наметить план беседы. Совсем не так просто изложить всю свою жизнь в одном разговоре, сказать все главное понятно, связно, да еще и занимательно, так чтобы не наскучить милой девушке нудными научными подробностями. Исписал три листа, составил конспект на целый курс лекций, снова лег, но заснуть не мог. Лежал радостно улыбаясь и думал: «Сегодня увижу Ее».

И было радостное утро (было!), был радостный день и радостная ночь, наполненная ожиданием следующего утра. Санаторный распорядок вдруг стал значительным, наполнился глубоким содержанием. Ученый спешил на завтрак, чтобы встретить Ее, слонялся по коридорам, чтобы лишний раз перекинуться словечком, улыбнуться, поймать ответную улыбку. Вернувшись к письменному столу в своей комнате, тут же решал, что нужно срочно пойти на процедуры, к телефону, на почту за конвертом, потому что на почте, в коридоре, у лифта может встретиться милая фигурка в оранжевом с черной вязкой свитере. И можно будет спросить: «Как подвигаются занятия? Едете в город сегодня? В котором часу?» И можно будет проводить на автобус перед ужином, можно будет встретить завтра утренний автобус. И будет удивленное радостное восклицание: «Ах, как удачно, что вы меня встречаете. У меня такая тяжелая сумка, тащу ее и думаю: «Хорошо бы помог кто-нибудь». Почему сумка тяжелая? Да на всю неделю учебники. Знаете, я теперь не буду уезжать, целую неделю проживу у мамы...»

Ну, теперь-то мы нагуляемся, – подумал Ученый.

И поторопился назначить прогулку после обеда. Но с той прогулки все пошло наперекокс.

Маршрут был единственный: по аллее к морю и вдоль моря. Ночью – таинственная романтика, а днем все было слишком трезво, даже пыльно и мусорно, не располагала обстановка к интимной беседе. И многолюдно было, как на городском променаде, все прогуливались после еды. Почти сразу же Ученый услышал торопливые шаги за спиной и не успел он раскрыть рот, чтобы произнести первую фразу по ночному конспекту, как их догнал едок с соседнего стала, тоже ученый, но куда выше рангом, чем наш, уже «известный», «видный», пожалуй даже почти «знаменитый».

– А я гляжу, с кем это идет наша первая красавица, мисс Санаторий», – крикнул он сходу, и без паузы добавил: «Я вам не помешаю, надеюсь?»

Наш Ученый не решился сказать: «Да, помешаете». Такой ответ был бы не только невежлив, он и девушку мог бы обидеть, как бы намекая: «Мы с ней близкие друзья, нам посторонние мешают».

Конечно, при третьем лишнем наш Ученый не стал придерживаться своего плана, рассчитанного на удивление скромной девушки. Предпочел расспрашивать полужнаменитого, почти знаменитого о его работах. Но тот умел держаться выгоднее. О своих трудах отзывался небрежно, намекал, что успехи даются ему шутя, между делом, а если бы он всерьез взялся, горы своротил бы, просто его не волнуют эти научные горы. Вообще от разговора о проблемах уклонился, свернул на сплетни о полужнаменитых и знаменитых, о том, кто и у кого увел жену. И намекал, в той же небрежной тональности, что все эти знаменитости на самом деле лопухи, тюфяки, если бы он взялся всерьез, сам увел бы жен у всех, только они не волнуют его, их древние жены.

Наш Ученый что-то съязвил с раздражением, тот – третий – отшутился. А девушке, видимо, нравилась эта словесная дуэль. Во всяком случае, когда Ученый, пользуясь правом первого пригласившего, попробовал свернуть в боковую аллею, кокетка воспротивилась,

заявила, что у нее голова разболелась и она хочет поскорее вернуться домой.

И вечером Ученому не удалось поправить дела, как-то упустил он возможность договориться. В комнату же постучать постеснялся, неудобно показалось при молодой сравнительно маме ухаживать за дочкой демонстративно. Маму это обидело бы, конечно, а наш Ученый стеснялся обижать людей. И он походил, походил по коридору, искал девушку в аллее, искал в кафе, наконец, догадался заглянуть в кино. Здесь она была, сидела в последнем, лучшем ряду (в Доме том преобладали зрители с возрастной дальновзоркостью), сидела рядом с тем полузнаменитым и его молодым соседом по столику. И все трое оживленно разговаривали, тем другим дарила она свои бесценные улыбки, а они пользовались, как бы нечаянно брали ее за руку, бесцеремонно заглядывали под черные ресницы.

И тогда не когти, а тупые корявые корни полезли под ребра Ученому. Глаза его сузились, зубы скрипнули, сжались кулаки... А чего ради сжались? Интеллигентный человек был, воспитанный, к тому же и рассудительный. И Ученый сказал себе: «А ты чего ждал, собственно, старый дурак? Молодость идет к молодости, а у старости свой маршрут – прямая дорожка на кладбище. Марш–марш, за стол, штудируй свою картотеку! Что у тебя там записано про горбушу, осьминога и прижигание пальцев сигаретой?»

Ночь он все-таки не спал, но не по-вчерашнему, по-плохому не спал. И душно было, и жарко, и подушка свалялась, и одеяло натирало лицо. Не слышалось больше «с вами я ничего не боюсь», другая улыбка стояла перед глазами, чужим подаренная. А под ребрами ворочались вросшие в грудь крючья, не давали ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Ты успокойся, – уговаривал себя Ученый. – Твое дело – наука. С утра будь добр – за стол, и чтобы к обеду была норма – половина главы об истинных причинах старения.

Но не сел он с утра за стол, слонялся по коридору, в библиотеку заглянул, в бильярдную зачем-то, выглянул наружу, аллея привела его на пляж. Нигде не было девушки. И на пляже не было.

Вообще пустовато било. С моря дул сегодня прохладный, довольно сильный ветер, он загнал курортников под полосатые тенты, там они ежились, кутаясь в мохнатые халаты. И волны разыгрались порядочные; наступали на берег морские серо–зеленые кони, шли в психическую атаку, словно белогвардейцы на Чапаева. Перед броском валы нагибали шеи, облитые пенистой гривой, и с грохотом кидались на сушу, телом своим таранили скалы, широкими копытами со скрежетом сгребали гальку, в море сносили, на дно, под себя подминали. Одинокий купальщик сунулся было в воду, с испугом выбежал, придерживая трусы. Приятель его, не собравшийся даже раздеться, громко хохотал, указывая, пальцем. Еще какая-то девушка, не чернокудрая Лира, другая, совсем тощенькая, нерешительно топталась на морском песке, решалась и не решалась отдаться морю.

И старому Ученому захотелось помериться силой с валами.

Старый? Правильно я называю его? Мальчишка седовласый!

О чернокудрой изменнице он совершенно не думал, не вспоминал о ней в тот момент. Победа нужна была ему самому, для самоутверждения. Нужно было выбраться из ощущения унижительной слабости, второсортности, себе самому доказать, что он еще способен сражаться. Разве не спорил он двадцать лет с природой, не желая подчиниться установленному ею людоедскому закону старения? И здесь перед ним природа – разгулявшаяся стихия. Волны? Подумаешь, волны! Лет сорок назад черноволосый мальчишка, его тройной тезка по имени, отчеству и фамилии умел побеждать волны. А седоволосый разве утратил уменье?

Ученый был нетороплив и расчетлив. Подошел к кромке шипящей пены, примерился, пропустил самые свирепые восьмой и девятый валы, следующему – выдохшемуся слегка – подставил бок и успел войти в воду по пояс, пока очередной морской конь выгибал свою оливковую шею. Ученый знал по давнишнему опыту, что волна опаснее всего, когда она рушится, струи крутятся колесом, руки–ноги выворачивают; тут надо опередить круговерть. И он поторопился теменем пробить жидкую стенку, поднырнул под гребень, пена с бульканьем прошла по лопаткам. Дальнейшее было уже делом техники. Плыви и плыви себе, ныряя под пену. Если же гребень без пены, можно и не нырять даже, поиграть с морем,

покачаться на соленых качелях.

Далеко отплывать Ученый не стал. Десятая и сотая волны одинаковы, все преодолеваются без труда; искусство требуется у самого берега, причем выйти труднее, чем войти. На обратном пути не выбираешь вал послабее, не отсчитываешь восьмой и девятый; который несет тебя, с тем и прибываешь. И видимо Ученый прибыл не слишком удачно, с девятым валом по всей вероятности. Руки ему закрутило за спину, на секунду он потерял управление. Но испугаться не успел. Сработала автоматическая привычка. Тут надо вытягиваться во всю длину, руки вперед, лицо между локтями, так чтобы выносило на поверхность, тогда волна сама на тебя работает, вышвыривает на берег. И волна вышвырнула его. Правда, сразу встать не удалось, накатилась вторая, поволокла назад, обдирая о песок грудь и колени. Но пальцы уже нащупали землю, впились, притормозили. Оперся, встал, отбежал на три шага. И все! Спасен!

И вот победитель пружинным шагом, красуясь идет по пустынному пляжу. Тощенькой девушке бросает на ходу: «не советую пробовать, поберегите свою молодую жизнь». И проходит, не оглядываясь, всем своим видом фанфаронски показывая, что ему такие фокусы безделка. Мальчишка седовласый!

– Зачем же рисковать так бессмысленно? – сказала толстая женщина, сидевшая под навесом вместе с упитанным ребенком.

Ученый не сумел объяснить, как ни старался. Женщина не могла понять его. Основная задача ее жизни состояла в том, чтобы оберегать и питать упитанного. Рисковать для нее было бы нелепо, противоестественно. Представьте, утонула бы она, кто бы тогда кормил ребенка, кто бы повез его... и куда? Домой, в детский дом? Чего ради такие заботы? Для удовольствия влезть в соленую воду и вылезть? В ванне удобнее и безопаснее.

Но зато другая, сероглазая, стройная и подтянутая, неожиданно подойдя к нему в столовой, отчеканила: «Я вынуждена сказать, что восхищаюсь вашей смелостью и мастерством».

А и все то геройство было: рискнул и сам себя вытащил. Но и та женщина своей собственной отвагой восхищалась. Шутка ли, подошла к незнакомому мужчине и заявила при всех вслух: «Я восхищаюсь вами».

Так что Ученый чувствовал себя героем. Легко прослыть героем в доме отдыха повышенного типа.

Даже до Леры дошел слух о его «подвиге». Она сама остановила Ученого в коридоре, сказала с заботливой укоризной:

– Зачем вы ведете себя так безрассудно. Надо беречь себя.

– Для кого беречь? – возразил Ученый рисуясь. – Я не так уж дорожу жизнью...

И добавил многозначительно:

– ... с некоторых пор.

Девушка с живым интересом заглянула ему в глаза. Неужели Ученый хотел утонуть из-за нее? Это пахнет настоящей романтикой.

– Женщины не стоят того, – сказала она. И в голосе ее было участие. Ученый воспользовался и тут же выпросил вечернюю прогулку.

– Я постараюсь выкроить время, – обещала девушка неопределенно... Мне же заниматься надо все-таки.

А когда она отошла, Сердце подало голос – в груди кольнуло.

– Ты что? – спросил Ученый. Он уже знал, что болью Сердце выражает свое неудовольствие.

– Когда же ты перестанешь дурака валять? – сказала Сердце. – Пора бы разума набраться.

– Почему «дурака валять?»

– Зачем объявил, что бросился в воду из-за несчастной любви?

– Не объявлял я вовсе. Пошутил. По разному можно было понять.

– Но она-то поняла однозначно. Ты все же думай, прежде чем ляпать, что попало.

– И что я должен был говорить по-твоему?

– Мало ли что! Мог сказать, что хотел показать той тощенькой девице, как следует

входить в воду. Дескать, для тебя риск – забава, ты для первой попавшейся можешь воды и горы попить, рисковать из одной вежливости. Тогда Лира встревожилась бы: «Ах, не упустить бы такого замечательного!» А так ты ее успокоил. Теперь она уверена: «Этот старикан у меня на поводке, влюблен по уши, уже топился один раз, не дотопился, характера не хватило, прибежит по первому зову. Ну и пусть посидит на скамейке запасных».

– Неправда, – вознегодовал Ученый. – Лира добрая девушка, не рассуждает она так цинично.

– Совершенно справедливо, она так не рассуждает. И возмутилась бы, услышав мою речь. У нее голова, как и у тебя, набита красивыми словами. Но так без слов чувствует ее сердце.

– Сердце циничное? Ерунда!

– А ты не забывай, в каком окружении живем и работаем мы – сердца. Это тебе неприлично прийти в лабораторию без галстука. Все возмутятся: «Ах, безобразие, демонстрирует волосатую грудь!» А где мы — сердца? Под теми волосами, под кожей, плаваем в крови; твои знакомые в обморок упали бы, увидя нас в подлинном виде. И соседи кто в этой коммунальной квартире? Легкие, прокуренные насквозь, пыльные, они не моются никогда в жизни. Желудок, который переваривает что попало, все, что ты кидаешь в него – сырую капусту и снулую рыбу. Почки, сам знаешь, чем пахнут почки. А чем набиты кишки? Уж ты извини, мы – работающие органы, мир видим с изнанки, с самой неприглядной стороны. Нам некогда подбирать деликатные выражения.

– Ну и ладно, – сказал Ученый. – Значит ты видишь мир с изнанки, могу только пожалеть тебя. А Лира согласилась на встречу. И на все остальное мне наплевать.

– Согласилась из жалости, – проворчало Сердце. Очень ему хотелось оставить за собой последнее слово.

* * *

И был прекрасный вечер. И лежали тонкие пальчики на заскорузлой ладони Ученого с желтыми пятнами от кислот. Прохладный локоть нежил его локоть, длинные ресницы распахивались, чтобы подарить ласковый взгляд. Правда, прочесть лекцию о величайшем деле своей жизни Ученому не довелось... даже расхотелось. Он было начал, но неуместным показались рассуждения об икринках и личинках в полутьме южного вечера, напоенного ароматом самшита.

И было трезвое утро после поэтического вечера. Оттеснив Ученого старый поэт с благородным аристократическим лицом читал Лире свои стихи. Толстощекий снабженец, удерживая девушку за рукав, рассказывал почти приличные анекдоты и сам же первый хохотал, как бы не в силах утерпеть, собственным смехом убеждая, что история была неудержимо смешна, жутко великолепна, приглашая и слушательницу присоединиться к веселью. В общем по дому отдыха распространился слух, даже не слух, а безмолвное убеждение, что «эта черненькая принимает ухаживания мужчин на возрасте». И скучающие курортники кинулись на приступ, отталкивая друг друга локтями. А когда после завтрака, Лира, перекинув через плечо полотенце, отправилась на купанье, ее сопровождал... не поэт, не снабженец, не полужнаменитый ученый, а сосед его – кудрявый и черноволосый. Молодой!

И это было страшнее всего.

Впустую пропали часы от завтрака и до обеда. Ни единой строки не написал Ученый, ничего не додумал насчет механизма выключения молодости, включения старения, о том, какую роль там играют стрессы, огорчения, гормоны и гены. Ни единой мысли не сформулировал. Сидел, лежал, ходил... а крючья все рвали и рвали грудь, выламывая ребра. И в голове стучало: Ли-ра, Ли-ра, Ли-ра, Ли...

– Мне надо поговорить с вами, – сказал он, дождавшись девушку в коридоре. – Можете уделить мне десять минут?

– Ну, я вас слушаю, – согласилась она с подчеркнутой неохотой и остановилась у всех на виду, как бы демонстрируя, что никаких секретов у нее нет в отношениях с этим

человеком.

– Ли́ра, я человек немолодой, – так начал Ученый. – Я го́жусь вам в отцы (ничего умнее не мог придумать). Мне неуместно бегать за вами, держась за сердце рукой. Я не люблю и не умею перекрикивать забавников. Вы поставили меня в нелепое положение.

– Не комплексуйте, – ответила она на своем техно-молодежном языке. А потом объяснила молодежными и общепринятыми словами вперемежку, что у Ученого, собственно говоря, нет никаких прав и никаких оснований предъявлять претензии. Конечно, разрешается приглашать ее, она не откажется, если будет свободное время... но брать на себя какие-то обязательства не может никак.

И ушла на пляж, независимо взмахнув полотенцем. С кем? Ученый не стал выяснять. Скрылся в свою комнату, лег на кровать, уставился на потолок, а грудь отдал на растерзание крючьям.

Тогда Сердце взмолилось. Нет, не то слово. Скандал учинило Сердце.

– Слушай ты, ученый лопух, ты соображаешь хоть немножечко? Ты же лечить меня взялся, тебе объясняли человеческими словами, что главное для меня лекарство, единственное спасение в сердце молодой женщины, в ее любви, в ее крови. А ты вместо свое Сердце терзаешь, разлохматил, всю кровь выпустил. Имей в виду, я так долго не выдержу, предупреждаю тебя.

– Но я не знаю, что я должен говорить, что делать, – жалко пролепетал Ученый. – Она же сказала, что женщина сама не понимает себя. Непредсказуема. Утром не ведает, что ей захочется вечером.

– Женщина себя не понимает, но сердце ее понимает отлично, заявило Сердце Ученого безапелляционно.

– Ну, если вы сердца понимаете друг друга, объясни.

– Не наше сердечное дело объясняться словами. Но уж если ты, ученый биолог, забыл биологию, изволь, послушай лекцию по своей специальности Напряги все свое воображение, представь себя на месте Лиры. Юная, неопытная, в самом начале своей взрослой жизни, должна сделать самый ответственный долгосрочный прогноз. Какой прогноз? Подобрать хорошего отца для своего будущего ребенка, прогнозировать всю свою замужнюю жизнь. А что такое хороший отец? Во-первых – хороший генетически, здоровый и со стоящей наследственностью. Во-вторых – умный. Ум в XX веке ценится дороже мускулов. В-третьих – заботливый, надежный защитник, оплот в житейских передрыгах. Ну и желательно, не слишком бедный, ибо с милым рай и в шалаше, но младенцы в шалашах простуживаются, младенцы в шалашах не выживают зимой, им нужны теплые ванночки, молочко в бутылочках, желательно детская кухня и детская консультация по соседству.

– Ну и циник ты у меня, дорогое мое Сердце. И все сердца такие? У Лиры тоже? Вот уже не поверю.

– Грубых слов боишься! А может быть это благородно – позаботиться о наследственности будущего ребенка? Может быть неблагородно проявлять легкомыслие: пусть будет, какой попало. Вот и скажи теперь, бывалый, много поживший мудрец, кто из всех окружающих самый подходящий отец для будущих детей твоей Лиры?

– Откуда я знаю, – пожал плечами Ученый.

– Ты не знаешь, можешь усмехнуться на наивный вопрос. И Ли́ра не знает, ее такой разговор смутит, даже возмутит. В лучшем случае она вымолвит краснея, что сердце подскажет. И Сердце обязано ей подсказать, обязано угадать правильно, потому что женщине всю жизнь предстоит возиться с ребенком, и второй удачный выбор не исправит первую неудачу, первого все равно выхаживать надо. Вот сердце и подсказывает: «люблю – не люблю». Любовь это и есть долгосрочный прогноз, если хочешь знать.

– И как же вы, сердца, угадываете? Это даже для науки интересно. Анализы делаете, вычисляете по формулам?

– Увы, не лучшим образом, с промахами и грубыми ошибками, потому что гадают сердце Лиры по приметам, по внешним признакам. Красивый, значит, здоровый, наследственность хорошая. Желательно красивый, но на меня непохожий. Ли́ра черненькая, ей нравятся белобрысые. Непохожий это означает много новых генов, выбор для

наследственности большой. Как узнают силу и ловкость? Проявил себя в спорте, в танцах, в драке на худой конец. Рискует, значит смел, надежным защитником будет. Ухаживает, подарки несет – щедрый, заботливый. Речистый – вероятно умный. А в чем именно проявился твой ум, что именно ты открыл в своих осьминогах и лососях, это девушке Лире безразлично. Ведь ее ребенок другим делом займется, не твоими осьминогами. Важно, чтобы был таким же толковым. Вот и не слушали тебя ни Марьяна, ни Лира. Констатировали, что со степенью и учен, следовательно умен.

– Если так, мои дела безнадежны, – сказал Ученый. – Я не молод и не красив. Не танцую, не дерусь, не речистый, не богатый и не чересчур умный. Ты само меня честишь старым дураком ежедневно.

– Верно, старый дурак, – согласилось Сердце беспощадно. – Но ты можешь показаться молодым умником. Не богат, но вот прокатил девушку до города, выкинул двадцатку шутя, выглядишь богатым. Не могуч, но темноты не боишься хотя бы, в шторм полез купаться, показался могучим и смелым.

– Выходит, что я все делал правильно?

– Делал правильно, но сам же и портил. Не учитывал сложности, известные каждому женскому сердцу, не женщинам – они-то себя не понимают. Ведь сердца женские, хотя и выбирают по сердцу, выбор-то у них невелик: два-три кандидата из тех, что сами набиваются. Да еще определить надо, на всю жизнь набивается, или на одну ночь только. Ведь мысли-то ваши не слышны. Держите их взаперти, в башне из кости, даже, не слоновой, своей собственной. Сама-то Лира чистая душа, у ней голова набита возвышенной романтикой, как и у тебя, но сердце за нее прикидывает: «Этот в моем распоряжении, прибежит, как только Лира мигнет, ну и подожди с ним, может найдется, кто получше». Беда твоя, что ты покорно занес себя в список, прибегающих по первому зову.

– Не верю, не верю я тебе, старое циничное Сердце. – Лира – искренняя девушка, она живет подлинным чувством.

– А ты попробуй, поверь, я же добра тебе хочу, тебе и себе, мне тоже инфаркты не в радость. Напортил ты много, но пока дела поправимы. Пускай сердце Лире считает тебя надежным запасным, заставь его усомниться. Как? Да очень просто. Пригласи в кафе ту, сероглазую, что восхищалась твоей, с позволения сказать, отвагой, посиди с ней за рюмочкой, пока Лира тебя не заметит. Если будет на тебя поглядывать, не заговаривай, кивни равнодушно. А наутро за завтраком поверти конверт в руках и объяви громогласно, что тебя вызывает международная на телефонный узел. И добавь еще громче, что может быть и не вернешься. Затем выходи в вестибюль с чемоданчиком. Дальше видно будет, дальше я подскажу.

Ученый подчинился. Все мы подчиняемся своему сердцу.

И пошло как по писаному. Сероглазая приняла приглашение в кафе, пришла в нарядном жемчужного цвета платье с гвоздикой в петлице. Рюмочки были, но вечер получился довольно скучный. Сероглазая оказалась унылой женщиной, и работа у нее была унылая, не вдохновляющая, и в семье никакой радости и о поездках за границу рассказать ничего не могла. Единственный в жизни яркий поступок – подошла к незнакомому и объявила, что восхищена. И кажется ждала она от этого незнакомо, что он проявит себя необыкновенно, всю жизнь ее перевернет, не то осчастливит, не то опозорит тут же. Сидела на краюшке стула и колебалась, принять ли ей красочный позор или стремглав спасаться в свое уныние. И естественно не слышала, что ей плел вежливый и ученый Ученый.

Так он скучал часа полтора, а потом спиной почувствовал (спиной!), что в дверь вошла Лира. Одно кафе было возле того дома отдыха, все туда ходили, если не было кино. Лира пришла не одна, конечно, и не с полужнаменитым и не с развеселым сборником анекдотов, сопровождал ее молодой, черноволосый и кудрявый. У нашего Ученого захватило дыхание, весь он сжался, замер на полуслове, пот отер. Но Сердце успело шепнуть: «Виду не показывай, кивни дружелюбно, и продолжай занимать свою сероглазую. И не коси глаза, как испуганный рысак (или заяц-русак?), вообще не гляди в ту сторону. Этот молодец для тебя не соперник, он двух слов связать не сумеет. Про баранов своего отца рассказывает, очень ей нужны бараны. Лира скучает с ним. Вот увидишь, уйдет скоро.

И в самом деле, через какие-нибудь полчаса Лира начала потирать виски, по-видимому жаловалась на головную боль. Голова у девушек болит часто и своевременно, как только им хочется уйти. И Лира ушла, а вместо себя подбросила барановладельцу собственную мать.

Старательно выполняя намеченный сценарий, на следующий день Ученый явился в столовую с надписанным конвертом, повертел его в руках и громогласно оповестил соседей, что его вызывает междугородная, он едет в город на телефонный узел и не уверен, вернется ли. И выйдя из вестибюля с чемоданчиком, прочно уселся на скамейке, как бы в ожидании служебного автобуса.

Лира показала через пять минут, ей понадобилось взглянуть на небо, не надвигаются ли тучки. Прошла мимо скамейки, кивнула. Снова появилась через некоторое время, заняла очередь у телефонной будки. Постояла поглядывая на Ученого. Громко спросила: «Кто едет в город? Просьба у меня...»

– Не отзывайся, – приказало Сердце.

Девушка все же не утерпела, подошла.

– Вы на меня сердитесь?

– Нет, с какой стати?

– Вид у вас озабоченный. Неприятности на работе?

– О, нет, – сказал Ученый, подученный Сердцем. – Конференция с иностранцами, длинная и нудная. Ужасно не хочется ехать, но вызывают же. Возможно сразу придется лететь за границу.

Лира подождала, помялась.

– Ждет, что спросишь адрес, – подсказало Сердце.

– Я буду здесь всю неделю, – сказала Лира. – Вообще я часто бываю летом у мамы.

Можно написать мне на ее имя.

И отошла.

– Смирно сиди! – рывкнуло Сердце. Конечно в переносном смысле рывкнуло, кроме Ученого никто его не слышал. – Молчи, уезжай в город и болтайся там до вечера. В ужин она тебя будет ждать, тебя одного. Только не говори, что вызов отменен. Скажи: «Жду телеграммы с минуты на минуту. Сорвусь в любое мгновение». Чтобы она чувствовала, что откладывать нельзя. Немножко выдержки, и все в порядке. Победа будет за нами.

И довольное собой, самодовольное сердце старого ученого застучало ритмично и с должными паузами (систолами).

Ученый поглядел на грудь с брезгливой улыбкой.

– А мне противно, – объявил он. – Это же не любовь, а голый расчет, комбинация какая-то шахматная. Хуже: рыночная спекуляция со сбытом фальшивого товара, блеф без единого козыря. Слушай, ну зачем мне все это? Ну захватим мы ее сердце обманом, кровь высосем как упыри какие-то, выиграем пять-десять лет за счет девушки и сделаем ее несчастной на всю жизнь. Это же нечестно, некрасиво, даже скучно в конце концов. Я сам хочу любить, волноваться по-молодому, пылать и пылом заражать, ликовать и рыдать, радоваться и ей радость дарить. А ты мне что плетешь? «Победим, покорим, кровушки попьем из ее сердца». Да ну тебя к черту с твоей житейско-физиологической мудростью! Сейчас я пойду к Лире и скажу ей, что все врал про вызов. И пропади ты пропадом со всеми своими расчетами.

– И пропаду, – сказала Сердце с мрачной обидой. – Сил моих нет, больше я не разговариваю с тобой. Губи меня на свою голову.

* * *

А что было дальше?

Как и полагается в природе: когда солнце ушло под горизонт, краски начали выцветать постепенно. Облака догорели и погасли, сгустками черной золы повисли над мрачной сушей. Небо вылиняло, голубизну с него смыло, стало оно бесцветным, серым, темным и в конце концов черным. Наступила ночь.

Такой обычай у природы. После вечера приходит ночь, рано или поздно, но ко всем без исключения. Вероятно и к Ученому пришла ночь. Сужу хотя бы по тому, что все люди на свете стареют, как и прежде, что-то не слышу я о возвращении молодости.

Как и полагается в природе: после вечера ночь, а за ночью утро. Время едино, а Земной шар он круглый. К кому-то приходит ночь, для кого-то начинается утро. Ночь старому Ученому, девушке Лире утро.

Как полагается.